

Посвящается Джеймсу и Адаму

«КУПЛЮ:

***Золотой соверен с профилем
Эдуарда VIII 1936 г. выпуска.***

*Готов предложить высокую цену.
Рассмотрю любые условия продажи.
Письмо с указанием желаемой
суммы направлять по адресу: Лон-
дон, Феннел-Уэй, д. 3, Томасу Дол-
ларду».*

Из объявлений в журнале
«Международный коллекционер монет»,
май — июнь 1977 г., № 51.

Глава 1

18:25

Суббота, 7 июня 2014 г.

Бар отеля «Рейнсфорд-хаус»

Рейнсфорд, графство Мит, Ирландия

Это со мной что-то не так, или барные стулья здесь уже не такие высокие? Пожалуй, все дело в возрасте. К восьмидесяти четырем годам человек усыхает, а еще в ушах начинают расти волосы.

Сколько же сейчас времени в Штатах, сынок? Час дня, два? Сидишь, наверное, под кондиционером в кабинете, печатая что-то на ноутбуке. Или устроился на веранде в том кресле с шатким подлокотником и читаешь свою новую статью в этой, как ее там... Господи, совсем забыл название газеты, где ты работаешь. В общем, сидишь ты, сосредоточенно сморщив лоб, а Катрина с Адамом носятся вокруг — хотят тебя отвлечь.

А здесь тихо. Ни души. Единственный грешник — я, бормочу себе под нос и постукиваю пальцем по барной стойке в предвкушении первого глотка. Если, конечно, дождусь, чтобы кто-нибудь мне налил. Кстати, Кевин, я рассказывал, что мой отец был мастером в этом деле? Стучал пальцем по столу, по моей спине, да по чему угодно, лишь бы втолковать мысль и обратить на себя внимание. Моему шишковатому пальцу далеко до та-

лантливых рук отца, таким стуком никого не дозовешься. Правда, и звать-то особо некого. Стоит тут одна у конторки на входе, делает вид, будто меня здесь нет. Так и умрешь от жажды.

Понятно, что у всех дел по горло, готовятся к важному вечеру — сегодня будут вручать награды спортсменам. Городку вроде Рейнсфорда повезло отхватить эту церемонию у Данкашела, даром что там целых две гостиницы. И все благодаря Эмили, управляющей, или, если быть точнее, хозяйке отеля. Кого угодно в чем угодно убедит, особенно в прелестях нашего городка.

И хотя за многие годы ничего особо прелестного я тут не увидел, все равно я сижу здесь, и у меня есть на то свои причины, сынок.

Эх, какое передо мной зеркало! Эта громадина тянется вдоль всей стены над полкой с бутылками. Наверное, понадобилось человек десять, не меньше, чтобы его поднять. Не знаю, висело ли оно еще в старом доме. В зеркале отражаются диваны и кресла в ожидании пятых точек, которые прямо сейчас затягивают в модные наряды. А вот и моя дурацкая голова торчит в самом углу. В последнее время, знаешь ли, я не так уж часто смотрюсь в зеркало. Пока твоя мама была жива, я еще старался приводить себя в порядок, но теперь-то какая разница? Глядеть на себя больше не хочется, потому что в отражении я вижу надрыв. Ну, ты понимаешь, о чем я, на собственной шкуре почувствовал.

И все-таки сегодня на мне чистая белая рубашка с крахмаленным воротничком, темно-синий гал-

стук, зеленый джемпер — подарок от твоей мамы на последнее в ее жизни Рождество, — костюм и начищенные до блеска туфли. Люди еще чистят обувь, или я один до сих пор практикую это искусство? На одежде ни пятнышка. Сэди была бы довольна. Мне восемьдесят четыре, а я по-прежнему хорошо одет и могу похвастаться растительностью на голове и подбородке. Не знаю только, зачем я бреюсь каждое утро, если к обеду лицо опять превращается в проволочную щетку.

Я и в молодости не слыл красавчиком, а теперь уж вовсе растерял все, что в моей внешности было хорошего. Кожу точно магнитом тянет вниз, зато голос никуда не делся.

— Морис, от такого голоса и айсберг растает, — любила повторять твоя бабушка.

Низкий и ровный, он все еще звучит наподобие виолончели. И привлекает внимание людей. Стоит мне только окликнуть ту девушку из-за конторки с притворно занятым видом, и она тут же наполнит мне бокал. Однако лучше не буду никому досаждать. Впереди и так долгая ночь. Меня ждет дело.

Опять этот запах. Вот бы ты тоже его почувствовал. «Мистер Шин», помнишь? Каждую субботу, когда мама затеивала уборку, в нашем доме пахло этим чистящим средством. Тошнотворный аромат бил мне в нос прямо с порога, и я потом чихал до самого утра. Зато по пятницам... по пятницам она натирала полы, и от аромата воска, домашних чипсов и копченой трески на душе разливалось тепло. Запах усердной работы и еды — беспроегрышное со-

четание. В наше время никто уже не полирует полы. Интересно, почему?

Наконец из-за двери за баром, ведущей в подсобку, появляется человек, который избавит меня от мучительной жажды.

— А вот и ты, — говорю я Эмили. Она настоящая красавица и очень предприимчивая женщина. — Пришла спасти меня от унижения? Я уж не знал, что и делать: то ли налить себе самому, то ли обратиться к вон той Мисс Сама Любезность.

— Я как раз вовремя, мистер Хэнниган, — отвечает она с намеком на улыбку и, положив на стойку кипу бумаг, проверяет что-то в телефоне. — Так что не нужно беспокоить сотрудников и расточать на них ваше обаяние.

Эмили на мгновение отрывает взгляд от экрана, в ее глазах вспыхивает искорка.

— Вот, значит, как. Уже нельзя спокойно посидеть в баре и выпить?

— Светлана скоро подойдет. У нас было небольшое совещание насчет сегодняшнего вечера.

— Какая ты деловая.

— Смотрю, вы в хорошем настроении. Не знала, что придете. Чему обязаны?

— А что, надо звонить и предупреждать заранее?

— Неплохая идея. Я бы сразу объявила тревогу.

Вот оно: уголки рта ползут вверх, будто шарик мороженого по кусочку теплого яблочного пирога. Глаза блестят от любопытства.

— «Бушмиллс»?

— Давай-ка бутылочку стаута для начала. Только не из холодильника.

— Для начала?

В ее голосе слышится беспокойство, но я, как ни в чем не бывало, спрашиваю:

— Присоединишься ко мне попозже?

Эмили буравит меня взглядом.

— Вы в порядке?

— Просто немного выпьем вместе, вот и все.

— Вы в курсе, что у нас сегодня церемония вручения наград? — спрашивает она, уперев руку в бедро. — А еще в отеле забронирован номер для какой-то таинственной ВИП-персоны... Все должно пройти идеально. Я приложила столько усилий...

— Тише, Эмили, тише. Обещаю, никаких сюрпризов. Просто посидим с тобой и выпьем. И на этот раз обойдемся без откровений.

В подтверждение своих слов протягиваю руку. Ее недоверие вполне обоснованно, учитывая все, что было в прошлом. Улыбка исчезает. Кажется, я так до конца и не объяснил вам с матерью насчет Доллардов, да? Пожалуй, отчасти это связано с сегодняшним вечером.

— Вряд ли я успею, но постараюсь к вам подойти, — отвечает она, по-прежнему глядя на меня с подозрением.

Эмили наклоняется и уверенным движением руки достает с полностью забитой полки бутылочку хорошего пива. Как же красиво у нее все расставлено, этикетками вперед. Во всем любит порядок.

Из-за двери появляется худенькая девушка.

— Отлично, теперь бар в твоём распоряжении, — говорит ей Эмили. — Налей мистеру Хэннигану, пока он ещё не отключился. А вы... — она указала на меня пальцем с красивым длинным ногтем, — ведите себя хорошо. Светлана у нас новенькая.

Раздав указания, Эмили забирает стопку бумаг и уходит.

С моей подсказкой Светлана находит открывалку, затем подает мне пиво и бокал, после чего быстрым шагом устремляется в дальний угол. Наклонив бокал, я заполняю его до краев и даю пене осесть. Осматриваюсь, думая о том, как провел этот день, этот год, точнее, уже два года без твоей матери. Я устал, и, честно говоря, мне страшно. Снова провожу рукой по щетине на подбородке, наблюдая, как всплывают пузырьки пены. Кашляю в надежде, что вся тревога выйдет из меня наружу. Назад дороги нет, сынок. Назад дороги нет.

Слева, через окна от пола до потолка, можно увидеть проезжающие мимо автомобили. Некоторые из них я узнаю: вот Бреннан из Данкашела, хозяин цементного завода, приехал на «ауди-А8», а вот Мик Моран на «шkode-октавии» — с левой стороны нет одного колесного колпака. Драндулет Лэвина, допотопный «форд-фиеста» красного цвета, стоит у его газетной лавки. Обожаю парковаться на этом месте, когда оно пустует. Когда Лэвин возвращается, вечно кричит мне, высунувшись из окна «форда»:

— Не ставь здесь свою машину, Хэнниган! У меня куча заказов по всему городу, уже и отъехать нельзя!

Он бешено мотает головой, растрепанные волосы покачиваются в такт. Затем паркуется вторым рядом, задерживая движение.

— Ты что, знак не видишь? Стоянка запрещена в любое время.

А я читаю себе газету, прислонившись к стене его лавки.

— Угомонись, — отвечаю, хорошенько пошуршав бумагой. — У меня была крайняя необходимость.

— С каких пор покупка утренней газеты — это крайняя необходимость?

— Если что, могу найти и другую лавку.

— Ну конечно, Хэнниган.

— Говорят, владелец газетной лавки в Данкашеле установил кофейный автомат.

— Вот и езжай туда на своем чертовом джипе.

Открываю дверь, сажусь в машину и включаю заднюю передачу.

— Я не любитель кофе, — бросаю ему напоследок. Важны детали, сынок.

Время покупок заканчивается. Люди машут и сигналият друг другу. Локти торчат из опущенных окон автомобилей. Еще немного поболтать со знакомыми — и домой, к телевизору. Впрочем, некоторые переоденутся и пойдут гулять, демонстрируя новые наряды и прически.

Выливаю из бутылки остаток пива и стучу потрепавшимся пальцем по бокалу, чтобы пена оседала быстрее. Последний раз смотрюсь в зеркало, поднимая бокал, как бы чокаясь сам с собой, и делаю долгожданный первый глоток.